

И.Б. МАМЕДОВ

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ
ЗАРУБЕЖНЫХ ТНК В КАСПИЙСКОМ РЕГИОНЕ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

В начале 1990-х годов прикаспийские страны – Азербайджан, Иран, Казахстан и Туркменистан – столкнулись с проблемой нехватки финансовых ресурсов и технологий для развития нефтегазового сектора. Находясь в состоянии экономического упадка, а также учитывая неопределенный статус Каспийского моря и отсутствие коллективных договоров по использованию ресурсов Каспия, прибрежные страны были вынуждены привлечь иностранные инвестиции в геологоразведку и недропользование в целом.

Большие запасы углеводородных ресурсов действительно способствовали активности иностранных компаний на Каспии. Однако потенциальная экономическая выгода, рассматриваемая некоторыми учеными как единственная причина участия крупных нефтегазовых ТНК в регионе, возможно, не является таковой. При более тщательном изучении процесса проникновения корпораций в Каспийское море очевидно, что на тот момент инвестиционная привлекательность региона была довольно сомнительной.

Во-первых, регион при неразвитой ресурсно-ориентированной транспортной инфраструктуре находится за сотни и тысячи километров от потенциальных рынков. Во-вторых, новообразовавшаяся модель регионального устройства была политически нестабильной, а порядок природопользования в Каспийском море оставался юридически не закрепленным. Рассмотрим процессы проникновения зарубежных ТНК в энергетическую политику каждого из прикаспийских государств.

Азербайджан

В период с 1994 по 2001 г. государственная нефтяная компания Азербайджана (SOCAR) подписала более 20 соглашений с 35 иностранными нефтяными компаниями о разведке и добыче нефти в азербайджанском секторе Каспийского моря. Стоит отметить, что первые крупные контракты (Нахичевань, Огуз и Апшерон) были подписаны в Белом доме США [Гусейнов, 2002, с. 72].

В целом для поставленной цели было привлечено около 400 фирм, а объем иностранных инвестиций по договорным обязательствам составлял 60 млрд. долл. Всего в развитии нефтегазовой отрасли Азербайджана приняли участие компании из 15 стран.

В проекте Азари – Чираг – Гюнешли доля участия Азербайджана (приходилась на компанию SOCAR) в 10% была неизмеримо мала в сравнении с 39,8% у США (Amoco – 17, Unocal – 10, Exxon – 8, Pennzoil – 4,8) и 19,2% у Великобритании (British Petroleum – 17,1 и Ramco – 2,1%). В проекте Карабах Азербайджанская компания SOCAR получила 7,5% акций, а американская компания Pennzoil – 30%. Следует отметить и участие в данном проекте российского Лукойла и итальянской компании Agip, на которых приходилось 62,5% пакета. В нефтяном проекте Шах – Дениз, который после разведывательного бурения стал газоконденсатным, английский British Petroleum и норвежский Statoil получили 51%, а Азербайджан наряду с Францией (TotalFinaElf) и Ираном (OEIC) – 10%. Наконец, в проекте Ленкорань – Дениз доли участия распределились между компанией SOCAR – 25% и компанией ELF (Франция) – 75% [Бутаев, 2004].

Примечательно, что своим участием в вышеприведенных проектах, Россия и Иран де-факто признали разделение Каспийского моря на национальные сектора.

Иран

Особый интерес вызывает политика Ирана в отношении иностранных ТНК. Согласно конституции этого государства, зарубежные компании не могут владеть природными ресурсами страны ни по одной из известных видов и форм собственности.

Тем не менее в Иране сформирован правовой механизм, позволяющий обойти конституционный запрет. Buy-back (обратная покупка) – договорная форма, согласно которой государство в лице соответствующего министерства или государственной нефтяной компании пользуется услугами иностранных компаний по разведке и эксплуатации месторождений. После выполнения всех работ государство «выкупает» месторождение обратно, возмещая затраты иностранной компании. При этом часто возмещение происходит не в денежной форме: компания получает определенный объем углеводородных ресурсов [Kuhn, Jannatifar, 2012].

Прецедент подобного взаимодействия сформировался в 1995 г., когда Иран подписал соглашение с компанией Total о разработке месторождения Сири в Персидском заливе. Затем по такому же принципу свою деятельность на иранском шельфе Каспия начали компании Shell и Lasmo.

Казахстан

Доля участия иностранных компаний в крупных казахстанских проектах также высока: в проекте Тенгиз компании Chevron / Техасо и Еххон / Mobil имели 50 и 25% соответственно, а при разработке проекта Карачаганак Agip и British Gas получили по 32,5%. В разработке Кашаганского месторождения обладателем крупнейшего актива в 28,6% стала французская компания TotalFinaElf, в свою очередь компании British Gas, Еххон / Mobil, Shell и ENI получили по 14,3% [Бутаев, 2004].

Для объединения финансовых ресурсов при разработке казахстанских месторождений в 1993 г. был создан Международный консорциум Offshore Kazakhstan International Operating Company. В состав объединенного предприятия вошли Agip, British Petroleum, British Gas, Mobil, Shell, Total, BP / Amoco / Statoil, Inpex North Caspian Sea Ltd., Phillips Petroleum. При этом, созданная в том же году компания «Казахстанкаспийшельф» стала оператором консорциума.

Немалую роль играют и китайские нефтегазодобывающие компании. С 1997 по 2013 г. китайская компания China National Petroleum Corporation (CNPC) приобрела 60,3% акций Актюбинской нефтяной компании, доведя свою долю до 85,42% в 2003 г. Позже CNPC купила права на месторождение Северный Бузачи

(продав 50% компании Лукойл), половину акций на месторождения Кансу и Бекстас, 100% акций канадской нефтяной компании «Петроказхастан» (позже продала треть акций компании «Казмунайгаз»), 8,33% – в Кашаганском консорциуме. На 2013 г. среди 22 крупнейших нефтяных компаний в Казахстане, китайские компании, такие как Sinopec и CNPC, имели почти 100%-ную долю в десяти из них, а еще в восьми – 50% и выше [Халова, Сычева, Спивак, 2013, с. 41].

Туркменистан

Инвестиционная активность иностранных компаний в туркменской части Каспия значительно ниже, чем в рассмотренных Азербайджане и Казахстане. Первым контрактом о разведке месторождений стало соглашение с компанией Petronas в 1996 г. Спустя два года в проекте по освоению месторождения Гарашсызлык-2 национальная нефтяная компания Туркменистана предоставила компаниям ExxonMobil и Monument Oil 52,4 и 27,6% соответственно, оставив за собой 20%-ную долю [Бутаев, 2004].

Контракт был подписан сроком на 25 лет, однако уже в 2002 г. компания ExxonMobil прекратила операции по данному проекту в связи с переоцененными перспективами: возможности месторождения оказались ниже предполагаемых. В целом слабая активность ТНК к туркменскому сектору Каспия обусловлена политическими рисками, а именно нестабильностью туркмено-азербайджанских взаимоотношений, отсутствием между странами консенсуса по спорным месторождениям.

Россия

В российском секторе иностранные компании представлены российско-кипрской компанией Roskaspneft, американскими J.P. Kenny и EXPO в составе совместного предприятия CaspOilDevelopment, а также компаниями Halliburton и Schlumberger. В отличие от остальных прикаспийских государств позиции отечественных компаний («Лукойл», «Роснефть», «Транснефть», «Газпром», «Буровая Компания Евразия Шельф», «Петроальянс», «Группа Каспийская

энергия» и т.д.) на российском секторе Каспия более устойчивы. Однако в некоторых случаях российские компании совместно с иностранными образуют совместные предприятия (Каспийский трубопроводный консорциум) или имеют долю иностранного капитала (капитал Schlumberger в «Петроальянс»). Тем не менее российские компании, например «Лукойл», со временем выкупает иностранные доли (в случаях с «Лукарко» и «Лукаджип»).

В настоящее время Россия столкнулась с непростой задачей удержать влияние в регионе. Россия потеряла роль транспортного монополиста на Каспии (после строительства нефтепровода Баку-Джейхан). Дальнейшая диверсификация маршрутов транспортировки энергоресурсов может отразиться на пропускной способности существующих российских трубопроводных систем.

Заключение

Наиболее открытым для сотрудничества с зарубежными ТНК был и остается Азербайджан, чьи объемы каспийского энергосырья сопоставимы лишь с Казахстаном. В свою очередь Казахстан также привлек огромные инвестиции и подключил к участию большое количество зарубежных компаний. Однако, в отличие от Азербайджана, значительное влияние на нефтегазовый сектор Казахстана оказывает Китай. К освоению туркменских месторождений на настоящий момент привлечены компании Petronas, Dragon Oil, Buried Hill, RWE Dea AG с общими объемами инвестирования в 10 млрд долл. Политика Ирана в корне отличается от представленных стран и, учитывая особые отношения с Западом, работы в иранском секторе производятся в форме «подряда».

Нефтегазоносная территория Каспия является регионом, где пересекаются геополитические и геоэкономические интересы не только региональных, но и глобальных акторов. Еще в 1997 г. первый заместитель госсекретаря США Струоб Тэлботт заявил о жизненно важных интересах США в Каспийском регионе.

Реализация национальных интересов посредством внедрения в регион ТНК и использования большого бизнеса в роли инструмента проведения внешней политики государства – предмет многочисленных споров и исследований. Однако объективно можно говорить, что большое количество нерегиональных акторов на

Каспии – доказательство его важного стратегического значения. В 1998 г. Дик Чейни, занимая на тот момент ведущую должность в компании Halliburton, заявил, что не знает более значимого региона, чем Каспий [Nourzhanov, 2006, p. 59].

Деятельность ТНК на Каспии связана с такими политико-правовыми механизмами, как договор к Энергетической хартии, двусторонние соглашения со странами Прикаспийского бассейна, а также специальные фонды и программы, среди которых необходимо выделить программу Европейского союза по содействию ускорению процесса экономических реформ в СНГ (ТАСИС) и основное многостороннее соглашение о международном транспорте по развитию коридора Европа – Кавказ – Азия (ТРАСЕКА).

Часто проводимая политика Запада и деятельность ТНК имеют одинаковые цели и задачи и всячески поддерживают друг друга. Это подтвердилось еще в 1998 г., когда служба управления минеральными ресурсами США выделила 425 тыс. долл. с целью помочь Казахстану и Туркменистану «совершенствовать инструкции по бурению в Каспийском море»¹. Политический подтекст ярко выражен в факте присоединения Казахстана к трубопроводной системе Баку – Тбилиси – Джейхан, признанной некоторыми учеными экономически невыгодной [Kubisek, 2013, p. 178], а также в вышеупомянутом факте подписания соглашений в Белом доме и заявлений руководства страны.

В целом можно говорить о первостепенности геополитических, а не экономических интересов Запада. Западное научное сообщество призывало к развитию Персидского залива в противовес Каспию, считая последний регион более дорогим, небезопасным, политически рискованным и с сомнительными непроверенными запасами углеводородов [Manning, Jaffe, 1998].

Политические мотивы в проникновении западных ТНК на Каспий иностранные ученые видят и в действиях самих прикаспийских государств, в частности Азербайджана и Казахстана [Reimani, 2001, p. 21–23]. Республики, ставшие независимыми в конце XX в., имеют своей главной целью укрепление политического и неразрывно связанного с ним экономического суверенитета.

При этом существует альтернатива западного и российского путей развития, которая в корне определяет внешнюю и внутрен-

¹ Oil and gas journal. – 1998. – 19 October. – P. 45.

ную политику государств. Азербайджан, имея явные претензии к политике вмешательства России в нагорно-карабахский конфликт с Арменией, желает в перспективе получить поддержку от Запада и в соответствии с этим строит свою энергетическую политику. Казахстан же ведет мультивекторный курс по сохранению отношений как с Россией, так с Западом и Китаем, что весьма трудноосуществимо [Heinrich, Pleines, 2015, p. 112].

Взаимодействие прикаспийских государств и совместное регулирование нефтегазодобычи в регионе возможно, но трудноосуществимо по следующим причинам: долгосрочный характер подписанных контрактов, крупные финансовые инвестиции и передача технологий, политическая устремленность Азербайджана на Запад, сформировавшееся сотрудничество Китая и Казахстана, споры о принадлежности ряда месторождений между Азербайджаном и Туркменистаном, санкционный режим против Ирана и сравнительно низкие запасы углеводородов непосредственно в иранском секторе Каспийского моря.

Для ослабления влияния ТНК на региональную энергетическую политику Каспия основными задачами для России должны стать: закрепление выгодных позиций при определении правового статуса Каспийского моря; противодействие дальнейшей диверсификации маршрутов и способов транспортировки нефти и газа; введение и применение особых требований экологического контроля и регулирования на Каспии¹; закрепление исключительного права нефтегазодобычи за компаниями прикаспийских государств по истечении договорных обязательств с работающими в регионе иностранными корпорациями.

Список литературы

Бутаев А.М. Каспий: Зачем он Западу? – М., 2004. – 436 с.

¹ Проблема является ключевой в вопросе построения транскаспийского газопровода. Российская сторона, ссылаясь на проведенные независимые исследования сейсмологической обстановки, заявила, что строительство транскаспийского газопровода чревато экологическими катастрофами. После этого некоторое время проект был в замороженном состоянии, однако в конце 2014 – начале 2015 г. начались конкретные действия по его осуществлению.

- Гусейнов В.А. Каспийская нефть. Экономика и геополитика. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2002. – 254 с.
- Халова Г.О., Сычева А.М., Спивак В.Ю. Деятельность китайских нефтегазовых компаний в государствах Центрально-Азиатского региона // Люди и компании: Индексы. – 2013. – №. 4. – С. 39–43.
- Heinrich A., Pleines H. Mixing geopolitics and business: How ruling elites in the Caspian states justify their choice of export pipelines // Journal of Eurasian studies. – 2015. – Vol. 6, Is. 2. – P. 107–113.
- Kubicek P. Energy politics and geopolitical competition in the Caspian Basin // Journal of Eurasian studies. – 2013. – N 4. – P. 171–180.
- Kuhn M., Jannatifar M. Foreign direct investment mechanisms and review of Iran's buy-back contracts: how far has Iran gone and how far may it go? // The journal of world energy law & business. – 2012. – 20 August.
- Manning R., Jaffe A. The myth of the Caspian 'great game': the real geopolitics of energy // Survival. – 1998. – T. 40, N 4. – P. 112–129.
- Nourzhanov K. Caspian oil: geopolitical dreams and real issues // Australian journal of international affairs. – 2006. – T. 60, N 1. – P. 59–66.
- Peimani H. The Caspian pipeline dilemma: political games and economic losses. – Westport, CT: Greenwood publishing group, 2001. – 134 p.